

Заика, С. Художник обновленного мира [Текст] : [фрагмент статьи о романе «Молодая гвардия»] / С. Заика // Фадеев, А. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1 / А. Фадеев. – М.: Издательство «Правда», 1987. - С. 33-44.

...

«Истинный художник, который в дни великих испытаний думает и чувствует вместе со своим народом, не может не раскрыть во всем, что он делает, лучших сторон своей души. Так осеняет его Муза, вдохновенная, суровая и прекрасная Муза его народа, и в огне войны рождается большое искусство»,— писал А. Фадеев в одной из статей, посвященных анализу произведений советской литературы периода Великой Отечественной войны (V, 376). Он подчеркнул высокое моральное состояние художников слова, с первых же дней войны занявших активные позиции в общенародной борьбе с фашизмом. Сказанное в полной мере относилось и к автору статьи.

Возможность новой схватки с врагами первого в мире социалистического государства Фадеев, как и многие советские писатели, ощущал уже со второй половины 30-х годов. Прошедшую грозу гражданской войны он осмысливал как в свете нынешнего дня, так и в перспективе предстоящих испытаний. Фадеев работает в это время не только над романом-эпопеей, но и над очерками, киносценариями на военно-историческую тему. В 1937—1938 годах он пишет очерки о руководителе дальневосточных партизан Сергее Лазо, о бойцах Особого коммунистического отряда, полковнице М. В. Фрунзе, сценарий «Перекоп» (в соавторстве с Л. Никулиным) и другие произведения. Ведущая идея этих работ — воспевание героизма и доблести революционеров, отдавших все свои силы для защиты нового рождающегося мира.

Летом 1937 года А. Фадеев выезжает в борющуюся республиканскую Испанию, где принимает участие в работе Второго конгресса Международной ассоциации писателей для защиты культуры. В составе участников конгресса писатель побывал на Гвадалахарском фронте, встречался с бойцами интернациональных бригад. Следуя горьковской традиции, Фадеев в своих публицистических выступлениях разоблачал звериную сущность фашизма, несущего с собой «гибель культуры и возрождение инквизиции» (V, 199).

С первых дней Великой Отечественной войны писатель принимается за активную работу по мобилизации литературных сил на борьбу с врагом. Президиум Союза советских писателей, ответственным секретарем которого был Фадеев, стал руководящим центром перестройки творческих организаций в соответствии с требованиями времени. Немало литераторов отправилось на фронт, в армейские газеты с рекомендацией Фадеева.

Наряду с работой в Союзе писателей он с декабря 1941 года редактирует газету «Литература и искусство», выступает со статьями и докладами по актуальным вопросам литературного развития в военное время. Большая загруженность не мешает Фадееву систематически выезжать на фронт в качестве военного корреспондента «Правды» и Совинформбюро. В годы войны он по нескольку раз бывал на Калининском, Западном, Центральном, Третьем Украинском фронтах, дважды вылетал в осажденный Ленинград. Очерки этого периода «Летный день», «Великие Луки», «Братство, скрепленное кровью», «Ленинград в дни блокады» и другие — результат зорких наблюдений писателя, его встреч и бесед на передовой с пехотинцами, летчиками, танкистами, моряками — мужественными защитниками непокоренного Ленинграда. Бригадный комиссар Фадеев был свидетелем массового героизма советских людей, которые в годину тяжелейших испытаний продемонстрировали всему миру духовное величие человека социалистического общества. Во многом от фронтовых наблюдений берет начало мысль Фадеева о том, что Великая Отечественная война «подняла на гребень, как великую, могучую, непреодолимую силу, все самое истинно прекрасное, что было воспитано в советском человеке двадцатью пятью годами советского строя». «Показать это самое прекрасное,— продолжает далее писатель,— как великую непреодолимую силу во всемирной схватке с самыми мрачными, зверскими, античеловечными силами в развитии человечества — ...историческая миссия советского искусства» (V, 384).

Летом 1943 года Центральный Комитет комсомола пригласил Фадеева для беседы, во время которой ему были переданы собранные специальной комиссией материалы о деятельности краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия». Как вспоминает Борис Дьяков, договора о том, что работать над произведением о молодогвардейцах станет именно Фадеев, не было: «Писатель ссылался на фронтовые дела, на свое нездоровье», но обещал «переговорить» с Николаем Тихоновым, Борисом Горбатовым... и вскоре предложить «верную кандидатуру».

Ознакомившись с предоставленными в его распоряжение документами, Фадеев взялся за книгу сам. И не мог поступить иначе. История краснодонского подполья оказалась тем «материалом» действительности, который был созвучен внутреннему настрою, творческому и жизненному опыту художника, а главное — его эстетическому и нравственному идеалу.

Фадеев тщательно готовился к работе над произведением. Он месяц жил в Краснодаре, «обошел все семьи молодогвардейцев», беседовал «с родителями, свидетелями, товарищами по школе» и в дополнение к документам комиссии собрал «огромный материал, изобиловавший не только основными фактами деятельности

молодогвардейцев, но почти всеми данными об их характерах и наружности».

Роман «Молодая гвардия» написан Фадеевым с несвойственной ему ранее быстротой — за год и девять месяцев. К созданию такого произведения Фадеев, можно сказать, готовился всем своим предшествующим творчеством. Мечта о прекрасном человеке, выраженная в «Разгроме» и вдохновлявшая писателя в работе над «Последним из удэге», воплощалась теперь в образах поколения, выросшего в мирных условиях. Для писателя важно было показать, насколько прочные всходы дали семена новой морали, за которую в свое время боролись Левинсон и Морозка, Игнат Борисов и Гладких, Метелица и Бутов.

«Я очень охотно взялся за роман,— рассказывал Фадеев на одной из встреч с читателями,— чему способствовали некоторые автобиографические обстоятельства. Собственную юность я начинал тоже в подполье (1918 год). Судьба так сложилась, что первые годы юности проходили в шахтерской среде. Потом пришлось учиться в Горной академии. И, наконец, в 1925-1926 годах много пришлось работать в соседнем с Краснодоном шахтерском округе. Поэтому быт Донбасса и шахтерский быт были мне хорошо известны».

Остро чувствуя «связь времен», Фадеев приносил в произведение воспоминания о молодости своего поколения, о юных героях владивостокского подполья, «которые явились первыми молодогвардейцами» в «давно прошедшие дни ожесточенной борьбы...».

Успешная работа над «Молодой гвардией» во многом обуславливалась также радостной атмосферой, которую создавал победоносный перелом в войне, близящийся разгром гитлеровской Германии. Наступило время художественно осмыслить подвиг советского народа во всем его эпохальном значении; героика краснодонского подполья была ярким примером стойкости и мужества советских людей, борьба которых с врагом в условиях оккупации способствовала приближению всеобщей победы.

Материал, с которым работал писатель, «мог бы,— по его признанию,— камень расплавить!.. Будь ты хоть семи пядей во лбу и как бы ты ни был талантлив, выдумать это или домыслить — невозможно» (V, 482). Факты и события, легшие в основу «Молодой гвардии», требовали особых красок. И они в художественной палитре Фадеева были. Проявившаяся в «Последнем из удэге» тенденция к синтезу изобразительных средств, совмещению реалистических и романтических стилевых пластов получила теперь дальнейшее развитие.

В то же время создание такой книги, как «Молодая гвардия», было сопряжено с преодолением ряда объективных трудностей. Роман о краснодонцах Фадеев писал в соответствии с реальным ходом

действительных событий. Это, разумеется, не отменяло права автора на вымысел: Фадеев создавал не документальную хронику, а художественное произведение. Но в отличие от произведений, основанных на чисто творческой фантазии, роман Фадеева был максимально приближен к фактам краснодонского подполья, и это, кроме несомненных плюсов, имело и свою, незаметную постороннему глазу, сложность.

В 1946 году «Молодая гвардия» вышла в свет отдельным изданием, вызвав огромный читательский интерес и высокую оценку литературной критики. В том же году А. Фадееву за роман «Молодая гвардия» была присуждена Государственная премия первой степени. По роману был снят кинофильм, сделаны театральные постановки. Однако наряду с несомненными идейно-художественными достоинствами романа стали обнаруживаться определенные просчеты в его содержании. В произведении Фадеева не получила должного освещения деятельность старшего поколения — коммунистов, возглавлявших работу всего подполья в Краснодоне. «В романе Фадеева,— говорилось в редакционной статье газеты «Правда», — есть отдельные большевики-подпольщики,— нет большевистского подпольного «хозяйства», нет организации».

Как ни богаты были факты, собранные комиссией ЦК ВЛКСМ и самим Фадеевым, они оказались неполными. Приступая к работе, писатель полагал, что молодежь боролась одна, поскольку подпольщики-коммунисты были выявлены врагом, погибли (см. IV, 103) и в городе «никого не осталось от краснодонского подполья». На самом деле появившиеся вскоре в печати материалы свидетельствовали о том, что в Краснодоне действовало большевистское подполье, которое осуществляло и руководство молодежной организацией.

Понятно, А. Фадееву нелегко далось осознание критических замечаний, среди которых были и не совсем справедливые, но внутренний голос требовал от писателя доработать роман. Фадеев отдавал себе отчет в том, что обратился к сюжету, основные ходы которого сделаны самой жизнью. За редким исключением автор вывел своих героев «под их собственными именами и фамилиями» и бережно относился к каждому фактическому эпизоду.

Необходимо также заметить, что с самого начала замысел романа выходил за рамки молодежной темы. Выступая 10 апреля 1946 года на конференции областных писателей, Фадеев обратил внимание аудитории на то, что тема молодежной подпольной организации является частью задуманного произведения, которое «гораздо шире» и в котором большое значение имеет изображение «взрослого подполья». «...Я не ставил цели дать историю Молодой гвардии,— заявил Фадеев на заседании секции прозы Союза писателей СССР, посвященном обсуждению романа «Молодая гвардия»,— а хотел

показать советского человека в оккупации — в аспекте молодежном, через молодежь, но дать разрез общества всего и — молодежь как будущее этого общества, как первый показатель его несомненного торжества».

Характерно, что уже в первоначальных наметках плана шла речь о широком развитии темы «молодежная организация— подпольщики-коммунисты». В плане читаем:

«Володя Осьмухин, работающий в мехцехе,— Лютиков — связь с взрослым подпольем. Осьмухин — Жора — Земнухов— Кошевой...

Сюжетно очень важно: Оля и Нина Иванцовы, с одной стороны, и Любка Шевцова — с другой,— имеют конкретных людей из областного взрослого подполья, с которыми они по работе связаны».

Однако, не располагая в то время фактическим материалом о работе старших товарищей, Фадеев в первой редакции оставил эту линию неразвернутой. Мог ли писатель некоторое время спустя пройти мимо обнаруженных фактов, позволяющих показать деятельность взрослого подполья и тем самым полнее раскрыть замысел романа, углубить идею преемственности и взаимоотношения поколений? Сколь ни трудным было дополнительное введение в органически цельное произведение новых глав, Фадеев осуществляет переработку романа. «Мужество художника,— писал К. Федин,— черта, свойственная Фадееву... Он умеет найти в себе энергию, оживить в себе чувство новизны труда, когда надо добиться от этого труда высшего качества».

«Одной из самых благородных и поэтичных книг о днях Великой Отечественной войны» назвал «Молодую гвардию» в ее новом издании Константин Симонов. Характерный для первого варианта романтический дух молодости, не покорившейся врагу, был сохранен и во второй редакции, но обрел более прочную, реальную основу. Шире стало само действие: локальный по своим масштабам материал о молодежном подполье вписывался в широкую картину поднятой и возглавленной большевиками всенародной борьбы, партизанского движения, действий Красной Армии.

Впервые в художественной практике Фадеева появилось произведение, в котором от начальных и до последних глав эпическое повествование проникнуто лирикой, реалистически-бытовое органично сочетается с эмоционально-возвышенным. Доминирующая мысль романа — несовместимость двух социальных систем: светлого мира социализма и фашистского «орднунга». Символично уже начало «Молодой гвардии». Стайка девушек на берегу реки, любующаяся, несмотря на перебаты орудийных выстрелов, речной лилией, небом, донецкой степью, воспоминание о безоблачных мгновениях детства — все это сливается в единый образ довоенной жизни, которая кажется немислимой, невозможной из-за приближения фашистских войск. И все же: немцы заняли города, поселки, села Донбасса, их дивизии

двинулись дальше, на восток, а мир советских людей остался. Он ушел в себя, замкнулся, но сохранился и продолжал жить внутренней жизнью. Его черты несут в себе не только основные герои, но и эпизодические персонажи вроде деда-возчика или майора — случайного спутника Вани Земнухова и Жоры Арутюнянца. Характерное для всех общее состояние хорошо выражено во внезапном монологе усатого майора, молча наблюдавшего в пути за Ваней и Жорой и поразившегося их оптимизму. «Вы, ребята... вы даже не знаете, какие вы, ребята!.. Не-ет! Такое государство стояло и будет стоять! — вдруг сказал он и с ожесточением погрозил кому-то в пространство коротким черным пальцем.— Он думает, он у нас жизнь прекратил! — с издевкой в голосе продолжал майор.— Нет, брат, шалишь! Жизнь идет, и наши ребяташки думают о тебе, как о чуме или холере. Пришел — и уйдешь, а жизнь своим чередом — учиться, работать! А он-то думал! — издевался майор.— Наша-то жизнь навеки, а он кто? Прыщ на гладком месте, — скovyрнул, и нет его!.. Ничего! Я в этом проклятом госпитале сам было пал духом, — не уж то ж, думаю, на него и силы нет, а как я к вам пришвартовался и иду, у меня полное обновление души...»

Первое движение души при появлении немцев — несколько наивная демонстрация автономности своего положения. «В конце концов какое ей дело до немцев! — думает про себя Валя Борц, устроившись с томиком Стивенсона в саду под ветвистой акацией. - У нее своя духовная жизнь. Пусть кто хочет изнывает от ожидания и страха, но не она, нет».

Но это лишь один ряд мыслей. Параллельно ему идет другой, более глубокий и тревожный: что делать, как оказать сопротивление нашествию? Он в определенной степени и организует композицию «Молодой гвардии». Первый том книги — это вызванная коренной переменой обстоятельств перегруппировка активных сил, их поиски друг друга, установление связи с коммунистами, сплочение в единую организацию. Второй — непосредственное действие — борьба с врагом самыми разными методами. Ход событий здесь значительно убыстряется, сюжет изобилует острыми ситуациями, в которых раскрывается героизм и бесстрашие юных подпольщиков.

«...Как никто из нас, прозаиков, Фадеев обладает чудесной особенностью глубоко и взволнованно писать о молодежи,— говорил М. Шолохов,— и в «Молодой гвардии» в полную меру раскрылась эта черта его большого таланта». Писателя всегда влекло к образу юной, пылкой личности, беззаветно преданной революционному делу. Достаточно вспомнить Бакланова и Метелицу в «Разгроме», Сеню Кудрявого и Сережу Костенецкого в «Последнем из удэге». «Разработанность» молодежной темы у Фадеева порою служила поводом для «умозаключений», которые решительно оспаривал сам писатель. На одной конференции он привел следующее суждение,

высказанное ему «со стороны литераторов»: «Фадеев вспомнил собственную молодость и молодых людей своего времени перелицевал и изобразил в современной действительности». Конечно, память о собственной юности вдохновляла писателя в работе над «Молодой гвардией» — об этом сам он говорил неоднократно. Но вместе с тем настойчиво подчеркивал и новизну оказавшегося в его руках материала. Молодогвардейцы, в большинстве своем дети шахтеров, воспитаны советским обществом, им свойственно «ясное, а не стихийное революционное сознание», они были образованными, «интеллигентными людьми». В своем романе Фадеев дает обобщенную характеристику новому типу молодежи:

«Самые, казалось бы, несоединимые черты — мечтательность и действенность, полет фантазии и практицизм, любовь к добру и беспощадность, широта души и трезвый расчет, страстная любовь к радостям земным и самоограничение,— эти, казалось бы, несоединимые черты вместе создали неповторимый облик этого поколения».

Из-за своей фактической основы роман населен значительно большим числом действующих лиц (около двухсот), чем того требовали законы жанра. Поэтому, по словам автора, показать всех своих героев «полнокровно» он не имел «ни возможности, ни места» (V, 450). Тем не менее Фадееву удалось создать галерею одухотворенных образов нашей замечательной молодежи.

Вот обаятельный, приветливый юноша, иногда по-детски наивный и непосредственный, но вместе с тем обладающий способностью глубоко, ясно мыслить, умением проявить необходимую трезвость в ответственные минуты. Это Олег Кошевой. Его не спутаешь с Сережей Тюлениным — человеком действия, живым, неугомонным, отчаянно храбрым, жаждущим подвигов и свершающим их. Под стать Тюленину Люба Шевцова — озорная, «легкая как огонь» и вместе с тем сметливая девушка. Порою она действует рискованно, но тем не менее блестяще выполняет задания «взрослых» и штаба молодогвардейцев. Иного плана Ваня Земнухов, прозванный за свою эрудированность профессором. Этот образ пленяет богатством духовной жизни, поэтичностью мироощущения. Не отличающийся броской внешностью, Земнухов обладает большой силой воли, хладнокровием и поразительной выдержкой; он напоминает Сеню Кудрявого из «Последнего из удэге», сочетавшего в себе твердый характер с душевной тонкостью натуры. Романтичен облик Ульяны Громовой: «высокая, стройная девушка с тяжелыми черными косами, с глазами, то брызжущими ясным сильным светом, то полными таинственной силы, скорее молчаливая, чем озорная, скорее ровная, чем страстная, но и та и другая вместе».

Герои «Молодой гвардии» ни в коей мере не являются исключительными натурами. Это типичные представители советской

молодежи, выхваченные художником из массы им подобных и обрисованные с большой любовью. А. Фадеев двумя-тремя штрихами набрасывает десятки портретов других молодогвардейцев, духовный мир которых столь же богат и красив. Благородством и мужеством веет от фигур Ивана Туркенича и Сергея Левашова, Володи Осьмухина и Николая Сумского; читатель хорошо представляет себе словоохотливого, компанейского Степу Сафонова, «сердитого» Женю Мошкова, несколько комичного Жору Арутюнянца с его педантичной манерой речи и многих других героев романа. Непреходящее достоинство «Молодой гвардии» Фадеева заключается в показе духовного единства молодежного коллектива и вместе с тем яркого многообразия составляющих его индивидуальностей. Здесь что ни лицо — то характер.

Правила строгой конспирации, тайное, скрепленное клятвой содружество не делают молодогвардейцев аскетами, отрешенными от жизни затворниками. Не создает Фадеев вокруг своих любимых героев и ореола жертвенности. Обаяние романа как раз в том и состоит, что фадеевские молодогвардейцы и в столь суровых условиях верны своей юности, которая немыслима без светлой мечты, бескорыстной дружбы, первых чувств любви и, конечно же, озорства и непосредственности. Вот молодогвардейцы распространяют листовки на городском базаре. Обстановка требует от них максимума осторожности и бдительности, тем не менее юношеского задора ребят хватает, чтобы решиться на дерзкую операцию «сверх программы»: одна из листовок оказывается приклеенной к спине блюстителя «нового» порядка. Для Сергея Тюленина и Вали Борц, Любы Шевцовой и Сергея Левашова, Олега Кошевого и Нины Иванцовой и других юношей и девушек совместный выход на задание — это еще и радость желанной встречи, время узнавания друг друга, когда порою хочется «сотворить» нечто бездумно-детское, бесшабашное, озорное. «В это мгновение мальчишка в глубоко насунутой на глаза кепке, невообразимо пузатый, на тоненьких, особенно тоненьких по сравнению с его пузом, ногах, выскочил из пустого театра, взвился в воздух, дрыгнул этими тоненькими ногами, издал жалобный звук: — Ме-е-е-е...» В других ситуациях мальчишка этот — вполне серьезный молодой человек, член штаба организации, руководитель боевой пятерки, автор плана и исполнитель смелых операций — Сергей Тюленин. Но сейчас, когда огромное немецко-фашистское знамя похищено со сцены театра и спрятано за пазухой, разве можно отказаться от подобного пируэта? Тем более, что за тобой следят влюбленные глаза Вали Борц.

Они готовились к мирному созидательному труду — эти юноши и девушки, но судьба предназначила им испытание войной. «Учились в школе, видели перед собой такой широкий, ясный путь жизни, и вот чем вынуждены заниматься!.. И выхода другого нет...» Такое

признание вырывается у Виктора Петрова после того, как он снял часового у барака с военнопленными. Голос долга, память о погибшем отце взывали к мести, и Виктор справился с заданием, хотя тут же обнаружилось, сколь далек он по своей натуре от того, что приходилось делать... Нужны большие духовные силы, чтобы юным, не имеющим военного опыта, не дрогнуть в борьбе с жестоким и коварным врагом.

Что же помогает выстоять? Фадеев не дает декларативных ответов на этот вопрос. Он тонко показывает, что в душе его героев живет иной, светлый мир. Не случайно операции освобождения военнопленных предшествуют созерцание безлунной звездной ночи и воспоминания о довоенной безмятежной юности. Побывать в другой, человеческой, реальности хочется после акта возмездия над Фоминым и Сереже Тюленину, на которого нахлынули «желание начисто вымыться горячей водой и необыкновенная жажда чудесного дружеского разговора о чем-то совсем-совсем далеком, очень наивном, светлом, как шепот листвы, журчание ручья или свет солнца на закрытых утомленных веках...»

Молодогвардейцы сильны острым ощущением Родины, связью с традициями предшествующего поколения, наконец, опорой на старших товарищей, оставленных партией для борьбы в тылу врага. В силу причин, о которых шла речь ранее, в первой редакции романа тема большевистского подполья не получила достаточно полного освещения. Одним из ее кульминационных моментов была трагическая история коммунистов Валько и Шульги, попавших в жандармский застенок, когда немцы взяли Краснодар.

Во второй редакции деятельность большевиков как главной силы, организующей сопротивление, показана более широко. Это позволило автору выдвинуть на передний план и глубже разработать образы представителей старшего поколения — руководителя штаба партизанского движения Проценко, секретаря подпольного райкома Лютикова, его помощника Баракова, связной Соколовой. Самые значительные дополнения связаны с образом Филиппа Петровича Лютикова. По сути, этот образ создан заново, ибо в первой редакции романа Лютиков показан эпизодически. В согласии с нововыявленными фактами Филипп Петрович изображен как опытный руководитель подполья. От Лютикова молодогвардейцы получали моральную поддержку, практические советы по конспирации и ведению подпольной работы. Молодежная группа постоянно чувствовала добрую руку своего старшего наставника. Вместе они боролись — вместе подошли к последней черте.

Человек на пороге жизни и смерти. Подобная трагическая ситуация встречается уже в фадеевском «Разгроме» — в эпизодах гибели Морозки и Метелицы. За мгновение до смерти герои ощущают неразрывную связь с людьми, ради которых они жертвуют жизнью. То

же чувство владело и Игнатом Саенко, прозванным Пташкой, в романе «Последний из удэге», когда он попал в лапы белогвардейцев за хранение динамита в своей квартире. Мысль о спасении ценою выдачи товарищей была, замечает автор, «так же неестественна для него, как неестественна была бы для него мысль о том, что можно облегчить свою судьбу, если начать питаться человеческим мясом».

Характерно, что в творчестве Фадеева нет изображения подвига, совершаемого на горячей волне азарта, упоения схваткой. Художник всегда оставляет своим героям время для нравственного выбора. Как правило, это время положительный персонаж использует для вящего утверждения в преданности коллективу, во имя которого он жертвует своей жизнью. Что касается «Молодой гвардии», то ее последние девять глав — своего рода хроника мужества, гимн нравственной красоте советских людей, оказавшихся в фашистском застенке. Впервые Фадеев показывает жизнь и гибель целого коллектива, который, приближаясь к роковой черте, действовал как один человек, моральный дух которого остался несломленным.

Вопрос об идейной убежденности и нравственной силе — главный в определении ценности личности. Менее всего способен выдержать испытание исключительными обстоятельствами тот, чья плоть и кровь поражена бациллами индивидуализма. Таким выведен в романе Евгений Стахович.

Образ Стаховича — еще одно звено в разоблачении психологии бескрылого индивидуализма, в разоблачении, которое писатель начал еще в «Разгроме» (Мечик) и продолжил в «Последнем из удэге» (Семка Казанок, Ланговой). Как и Павел Мечик, Стахович оказывается перед выбором: либо верность коллективу ценою жизни, либо предательство. Страх перед пытками сделал его предателем.

Как известно, человека с фамилией Стахович не было в организации. Сейчас уже нет надобности углубляться в историю создания этого образа. Необходимо лишь подчеркнуть: Стахович — лицо вымышленное, собирательный образ малодушного отщепенца, так же, как был собирательным образом и его «предшественник» Павел Мечик. Именно в смелом художественном обобщении, направленном против жизненной «философии» индивидуализма, заключаются суть и значение образа Стаховича.

Содержание заключительных глав «Молодой гвардии» отмечено нарастающей напряженностью действия. Сколь ни жестоки пытки — молодогвардейцы остаются коллективом, способным и в застенке оказывать сопротивление врагу всеми доступными средствами. Злоба и неистовство фашистов бессильны. Им не удастся поставить юных подпольщиков на колени, а между тем близится час расплаты: все слышнее по ночам гул приближающихся боев, и вот уже расположения немцев в Краснодоне бомбит советская авиация. Эмоциональная насыщенность повествования позволяла завершить

произведение высоко звучащей романтической нотой. Однако художник здесь по справедливости уступил место историку.

«Я мог бы закончить роман патетически, дать ему пафосную или лирическую концовку, которая, возможно, оставила бы более глубокое впечатление,— говорил А. Фадеев на одной из встреч с читателями.— Но я, как видите, заканчиваю перечнем всех фамилий погибших участников «Молодой гвардии», потому что чувствую внутреннюю обязанность хотя бы таким образом перечислить их всех — из уважения к их памяти» (V, 450).

В творческой эволюции Фадеева «Молодая гвардия» в известной мере итоговое произведение. В этом романе художнику удалось воплотить концепцию гармонически развитой, прекрасной личности с той полнотой, которая была невозможна в вещах, созданных на материале гражданской войны.

...